

Кокарев Максим Сергеевич

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ВОПРОСАХ МИССИОНЕРСТВА И
ОГРАЖДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ
САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)**

Данная статья посвящена проблеме взаимодействия церковных и светских властей в сфере миссионерства и ограждения православной веры в последнее десятилетие перед дарованием вероисповедных свобод. В работе сделана попытка проанализировать эффективность обращения епархиальной власти к административно-полицейским методам в условиях меняющейся общественно-политической ситуации в стране. Кроме того, в статье выявляются внутренние противоречия епархиальной власти по отношению к вероисповедным вопросам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/23.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. II. С. 100-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

18. **О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока:** Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ // СЗРФ. 2001. № 20. Ст. 1972.
19. **Об обороте земель сельскохозяйственного назначения:** Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ // СЗРФ. 2002. № 30. Ст. 3018.
20. **Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации:** Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // СЗРФ. 2000. № 30. Ст. 3132.
21. **Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации:** Федеральный закон от 19.06.1996 № 78-ФЗ // СЗРФ. 1996. № 26. Ст. 3030.
22. **Об особо охраняемых природных территориях:** Федеральный закон от 15.02.1995 № 33-ФЗ // СЗРФ. 1995. № 12. Ст. 1024.
23. **Субочев В. В.** Теория законных интересов [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д.ю.н. Тамбов, 2009. URL: <http://lawtheses.com/teoriya-zakonnyh-interesov> (дата обращения: 24.04.2014).
24. **Транин А. А.** Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Крайнего Севера (проблемы и перспективы) [Электронный ресурс]: монография. М.: ИГП РАН, 2010. URL: <http://www.igpran.ru/articles/2973/> (дата обращения: 13.04.2014).
25. **VII съезд коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации** [Электронный ресурс]. URL: <http://insch.ru/rezolyuciya-konferencii> (дата обращения: 13.04.2014).

LEGITIMATE INTERESTS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN NORTH IN SPHERE OF TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT

Kozlov Denis Vasil'evich

*Krasnoyarsk State Agrarian University
Niko-fox88@yandex.ru*

The article reveals the content of the notion “legitimate interests”, analyzes the evolution of state policy in relation to the indigenous peoples of the Russian North in the sphere of traditional nature management, presents the features of determining the basic measures aimed at implementing the rights and legitimate interests of the indigenous peoples of the North as to the preservation of the territories of traditional nature management, the traditional ways of life support and the ecosystem of the North for all mankind.

Key words and phrases: rights and legitimate interests; indigenous peoples of the Russian North; territories of traditional nature management; traditional ways of life support.

УДК 9; 908(470)

Исторические науки и археология

Данная статья посвящена проблеме взаимодействия церковных и светских властей в сфере миссионерства и ограждения православной веры в последнее десятилетие перед дарованием вероисповедных свобод. В работе сделана попытка проанализировать эффективность обращения епархиальной власти к административно-полицейским методам в условиях меняющейся общественно-политической ситуации в стране. Кроме того, в статье выявляются внутренние противоречия епархиальной власти по отношению к вероисповедным вопросам.

Ключевые слова и фразы: миссионерство; духовная консистория; вероисповедный стол; правящий архиерей; Самарский окружной суд; раскол; сектантство; региональная церковная история; Средне-Волжский регион.

Кокарев Максим Сергеевич

*Общецерковная аспирантура и докторантура им. Кирилла и Мефодия
maxim.kokarev.1980@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ВОПРОСАХ МИССИОНЕРСТВА И ОГРАЖДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)[©]

Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по исследовательскому проекту 14-31-01022 «Система епархиального управления Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX века (на материалах Самарской епархии)».

Говоря о миссионерстве в России до 1905 года, нельзя обойти вниманием такой аспект, как взаимодействие Церкви и светской власти в деле ограждения православия. Взаимодействие это было обусловлено тем положением, которое занимала Православная Церковь в государстве. В Российской империи был категорически запрещен переход из «господствующей» Церкви в любое другое вероисповедание. 47-я статья «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» гласила: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещено отступать от нее и принимать другую, хотя бы то и христианскую» [13, с. 9].

Таким образом, как только речь заходила об уклонении от православия или о проповеди раскольников или сектантов среди православного населения, это переставало быть только делом церковной миссии и привлекало внимание административно-полицейской власти.

Все дела, касающиеся миссии и противодействия расколу и сектантству в Самарской епархии с 1894 г. по указу епископа Гурия (Буртасовского) были сосредоточены в духовной консистории [5, с. 271]. Дела по уклонению в раскол и сектантство занимают значительное место среди документов первого, вероисповедного стола этого учреждения. Дела эти очень похожи и дают достаточно полное представление об алгоритме действий епархиального начальства по отношению к «уклонистам». Чаще всего дела в консистории возбуждались на основании рапортов приходских священников, передаваемых через благочинных. Следить за состоянием раскола и сектантства в своем округе было одной из важнейших обязанностей последних [11, с. 180]. Поводом могло послужить уклонение от исполнения христианского долга ежегодной исповеди и причастия, отказ православных (формально) родителей крестить своих детей в Церкви, браки православных (опять-таки формально) с раскольниками или прямое заявление тех или иных лиц, что они уклонились в раскол.

Возбудив дело, консистория запрашивала у местного причта и у волостного правления информацию о его фигурантах. В первую очередь начальство интересовало духовные росписи и посемейные списки, которые позволяли уточнить, кем «числится» человек – православным или раскольником – и с какого времени. Проблема была в том, что число зарегистрированных раскольников не совпадало с их реальным количеством из-за так называемых «потайных» раскольников, что неоднократно отмечалось исследователями раскола. Точное число установить практически невозможно, есть лишь косвенные свидетельства. Так, в 1895 г. 7 138 человек числились «небывшими у исповеди и причастия» по многу лет, что наводит на сомнения в их православии [1, с. 449]. Как правило, в духовных росписях такие люди продолжали числиться православными, но с пометкой о том, что они уклоняются от исповеди и причастия «по наклонности к расколу» [15, д. 3159, л. 4].

Если дело касалось только уклонения в раскол взрослых, то консистория, как правило, ограничивалась предписанием производить увещания уклонившегося с целью вернуть его в православие. Закон не предусматривал возможности для уголовного преследования таких лиц; статья 60-я упомянутого выше «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» гласила: «Православные в случае соращения в раскол назидаются по усмотрению духовного начальства... без отвлечения их от мест их жительства и от обыкновенных их трудов и занятий» [13, с. 13].

Для увещаний и собеседований с «небытчиками» и явными «уклонистами» кроме приходских священников могли быть задействованы сотрудники епархиальной миссии. Согласно «Правилам» 1888 г. она состояла из епархиальных миссионеров (в Самаре их было два), уездных (в Самарской епархии это звено не сложилось) и окружных миссионеров [8, с. 175-176]. Также помогать им могли миссионеры-сотрудники и члены кружков ревнителей православия.

Консистория занимала также принципиальную позицию по вопросу о регистрации раскольников. Если удавалось выяснить, что человек, пишущийся раскольником, был крещен в Православной Церкви или каким-либо иным образом засвидетельствовал свою к ней принадлежность, консистория настаивала на изменении записей в документах. Так, в конце 1893 г. разбиралось дело крестьянина села Сырейки Филиппова, который, согласно донесению Алексеевского волостного правления, с рождения числился раскольником спасова согласия [15, д. 2871, л. 6 об.]. Однако в 1880 г. он был венчан в Православной Церкви, представив двух свидетелей в том, что он православный, о чем и свидетельствует предбрачный обыск [Там же, л. 23]. В результате консистория потребовала у правления сделать поправку и писать Филиппова православным [Там же, л. 25].

Гораздо больший интерес представляют дела о соращении в раскол или сектантство. Здесь ярче всего видны репрессивные функции епархиальной власти, возложенные на нее государством. В этой сфере теснее всего соприкасалось епархиальное начальство и простое духовенство с полицейскими и судебными органами, так как соращение православных в любое другое вероисповедание до 1905 года каралось лишением всех прав состояния и ссылкой (из Европейской России – в Закавказье) [12, с. 185]. По данным делам консистория проводила полноценные сыскные действия. Благочинным предписывалось через местных священников собрать как можно более полные сведения о лицах, подозреваемых в противоправных действиях. Среди документов «вероисповедного» стола большое количество рапортов благочинных и приходских священников и актов полицейских исправников, содержащих показания свидетелей. Однако часто эти свидетельства оказывались лишь косвенными, так как поймать за руку человека, пропагандирующего раскол или совершающего требы «по расколу» для православных (формально) было очень нелегко. Понимая эту сложность, консистория требовала от местного духовенства неоспоримых улик. «А можно ли это будет доказать?» – такую характерную пометку оставил член присутствия прот. Валериан Лаврский на полях рапорта благочинного первого округа Самарского уезда священника Стефана Кильдюшевского, доносившего о том, что в селе Преполовенка поморский начетчик Василий Бирюков крестит детей у православных крестьян [15, д. 2931, л. 1 об.]. Сомнения эти оправдались, и дело против Бирюкова было решено не возбуждать, так как «доказательств нет и вряд ли будут правдивые свидетельства» [Там же, л. 19]. И подобные случаи были не единичны [Там же, д. 2919].

Если все же консистория считала свидетельства нарушения закона достаточно весомыми, переписка по делу передавалась судебному следователю Самарского окружного суда (соответствующего участка) для предварительного следствия. Следователь после расследования препровождал дело прокурору суда или его товарищам с обвинительным заключением или же в порядке 309 статьи Устава уголовного судопроизводства: «Если судебный следователь в сообщении полицейских или других присутственных мест и должностных лиц не найдет достаточных оснований к производству следствия, то немедленно сообщает о том прокурору или

его товарищу» [14, с. 128]. В суде рассмотрением дел, связанных с соращением из православия, занималось уголовное отделение. В определенных случаях консистория командировала священника (чаще всего епархиального миссионера) для присутствия на заседаниях суда по делам такого рода [15, д. 2971, л. 9].

Переписка с судебными инстанциями (следователями, прокурорами, их товарищами) занимает значительное место в консисторских документах. Эти бумаги позволяют исследователю составить представление об отношениях между духовной и светской властью на епархиальном уровне в деле охранения православной веры. С одной стороны, государство, использовавшее Церковь как инструмент для решения своих политических проблем, считало своим долгом защищать ее от расколов и ересей. С другой стороны, в таком профессионально ориентированном государстве Церковь сама привыкла использовать полицейские меры при решении вероисповедных вопросов. На сухом языке законодательства эта «симфония» выражалась следующим образом: следствие по делам, связанным с пропагандой расколов и ересей «проводится не иначе как по требованию духовного начальства» [14, с. 361], а судебный следователь, со своей стороны, «не вправе отказать от производства по требованию духовного начальства дела по обвинению в соращении из православия или отступлении от веры христианской» [Там же, с. 362].

Такое положение сохранялось в продолжение рассматриваемого периода, т.е. до указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. Однако еще до появления этого документа в печати стали раздаваться голоса о ненормальности использования принуждения в вопросах веры, причем не только в либеральных кругах. Как в обществе, так и в самой Церкви назревало осознание необходимости отказа от полицейских мер. Обращаясь к Самарской епархии, мы должны обратить внимание на два аспекта: 1) взаимоотношение светской и церковной власти и 2) ситуация внутри епархиального начальства (расхождения между позициями консистории и правящего архиерея).

Судебные органы губернии всех уровней в рамках существовавшего законодательства не могли, конечно, проигнорировать обращения к ним епархиальных властей. Однако на основании проанализированных документов можно сделать вывод, что делалось это скорее по инерции, без энтузиазма. В последнее десятилетие перед дарованием вероисповедных свобод дела о соращении в раскол и распространении сектантства редко заканчивались реальным наказанием для обвиняемых. В ряде случаев они вообще не доходили до суда, так как судебные следователи не находили подтверждения обвинениям, выдвинутым консисторией; переписка по таким делам прекращалась согласно статье 309 Устава уголовного судопроизводства [15, д. 2922, л. 7]. Из тех дел, которые все же рассматривались Самарским окружным судом, значительная часть прекращалась за «отсутствием состава преступления» (в рамках статьи 277 того же Устава) [Там же, д. 2868, л. 19, д. 2909, л. 17 об., д. 2920, л. 40, д. 2947, л. 26 об.]. Но даже в тех редких случаях, когда дело доходило до реального приговора, он обычно был достаточно мягким. За погребение «по расколу», например, можно было получить два месяца ареста при полиции [Там же, д. 2945, л. 18].

Такие решения суда вызывали нескрываемое недовольство епархиального начальства. Архив духовной консистории полон недоуменных вопросов в адрес прокурора Самарского окружного суда. Прокурор на эти вопросы отвечал лаконично: «Я не уполномочен давать определение по таким делам» [Там же, д. 2920, л. 13]. Не находя возможности разрешить сложившиеся конфликтные ситуации на местном уровне, епархиальная власть нередко обращалась с жалобами в Святейший Синод. Так, епископ Гурий (Буртасовский) на журнале консистории от 19 июля 1894 г. наложил резолюцию: «Надобно, мне думается, немедленно представить на мнение Святейшего Синода действия местного прокурора, отказывающегося признавать преступлением сведения православными родителями своих детей с раскольниками для брачной жизни по обрядам секты» [Там же, д. 2909, л. 8]. Многие дела по соращению из православия консистория не завершала и не «почисляла» в архив именно в ожидании, «пока Святейший Синод не разъяснит, как относиться к случаям, когда суд прекращает дело о соращении в раскол и пропаганде ереси, несмотря на явные улики» [Там же, д. 2920, л. 40 об.].

Очень часто камнем преткновения становились именно дела о браках раскольников с православными. Православные крестьяне нередко отдавали своих дочерей за раскольников, так как те были зажиточными и могли дать «самую дорогую и большую по крестьянскому быту кладку» (до 70 рублей деньгами и другими вещами) [Там же, д. 2909, л. 2]. Консистория в подобных делах настаивала на привлечении к ответственности не только лиц, венчавших такие браки, но и родителей молодоженов, вменяя им в вину «сведение на брак по расколу». Прокурор же в таких действиях состава преступления не усматривал. «Я не нашел в деянии Баряевой признаков преступления», – писал прокурор Львов по делу крестьянки Феклы Баряевой, выдавшей свою дочь за раскольника австрийского согласия [Там же, л. 9]. Епархиальному начальству оставалось только жаловаться в Синод, а приходским священникам – увещать, разъясняя, что такое сожитительство браком не является, и дети будут считаться «незаконноприжитыми».

Больше согласия наблюдается в действиях церковной и светской власти в тех случаях, когда речь идет о соращении из православия детей их родителями или опекунами. Такие деяния карались лишением свободы от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев; дети отбирались и передавались православным родственникам. Консистория обращалась (от имени архиерея) непосредственно к губернатору с просьбой «защитить православие» детей [Там же, д. 2935, л. 1 об.]. По распоряжению губернатора полиция изымала детей, для которых затем подыскивались православные опекуны (с последних бралась подписка о воспитании детей в православии). В ряде случаев дети помещались для воспитания в монастыри епархии, особенно если речь шла об отпадении их родителей в нехристианские религии. Такие преступления государство считало более опасными, чем, скажем, уклонение в раскол. Согласно статье 185 «Уложения о наказаниях», переход из христианства в иные религии наказывался лишением всех прав состояния и отобранием имения в опеку [12, с. 181].

Наблюдение за такими делами возлагалось на Министерство внутренних дел, а если в деле фигурировали дети, то министерство делало представление о мерах к их охранению в православии императору [13, с. 10]. Так, в 1895 г. канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода запрашивала преосвященного Гурия, в какие монастыри епархии можно было бы разместить детей крестьянина Прокопия Потемкина, уклонившегося в магометанство (он «вернулся к старой своей магометанской вере») [15, д. 2899, л. 43]. В результате старший сын Потемкина Иван был отдан на воспитание в Архиерейский дом (затем в Кирилловское ремесленное училище), а младшие – Гафа и Александр – в Иверский женский монастырь [Там же, л. 77, 94].

Еще одной сферой, где епархиальная власть входила в соприкосновение с государственными полицейскими органами, был контроль над незаконными старообрядческими молельнями. Большинство таких молелен устраивались при жилых домах раскольников или в отдельно стоящих зданиях на заднем дворе. Консistorия предписывала местному духовенству вместе с представителями власти (волостным старшиной или полицейским урядником) «произвести акт освидетельствования молельни» и выяснить, кто владелец здания и кто дал разрешение на устройство [Там же, д. 2936, л. 5]. Среди документов «вероисповедного» стола консистории находится большое число описей изъятого при таких обысках имущества: книги, иконы, свечи и другая утварь, доказывающая использование этих зданий в качестве общественных молелен.

Консistorия по этим делам пыталась привлечь к ответственности хозяев строений, которые использовались как нелегальные молельни. Однако в рассматриваемый период это было практически невозможно, так как упоминавшийся выше Манифест 14 ноября 1894 г. освобождал устроителей молелен от уголовной ответственности. Летом 1895 года, пытаясь сориентироваться в новой для себя ситуации, члены консистории запрашивали прокурора Самарского окружного суда, следует ли из данного Манифеста, что все нелегальные молельни автоматически признаются законными [Там же, д. 2955, л. 18 об.]. Прокурор отвечал, что речь идет только об отмене личного наказания для их устроителей [Там же, л. 19]. Консistorия в дальнейшем ограничивалась лишь запечатыванием молелен и изъятием богослужебных принадлежностей. Эффективность этих мер не в последнюю очередь зависела от личного усердия местного священника и представителей светской власти; особо отличившихся консистория отмечала. В конце 1894 г. консистория ходатайствовала перед Святейшим Синодом о награждении пристава второго стана Самарского уезда Миронсицкого, который в 1893-1894 гг. обнаружил и закрыл 11 несанкционированных молелен в Бобровке, Чесноковке, Новониколаевке, Сырейке и Новых Студенцах [Там же, д. 2952, л. 17]. За свое рвение пристав получил благословение и грамоту от Синода. Подобный энтузиазм, надо заметить, встречался действительно нечасто.

Вероисповедные вопросы являются также хорошим индикатором, показывающим внутренние проблемы епархиального начальства. Анализ документов первого стола позволяет нам говорить об определенных разногласиях, возникавших периодически между правящим архиереем и консисторией в вопросах охранения православной веры. Мы не склонны преувеличивать масштаб этих разногласий, так как они касались, в первую очередь, способов воздействия на сектантов и раскольников, а не самой необходимости борьбы с ними. Следует также оговориться, что, упоминая здесь правящего архиерея, мы имеем в виду, в первую очередь, епископа Гурия (Буртасовского), который занимал кафедру с 1892 года. В 1904 году владыка Гурий был переведен на Симбирскую кафедру, а 17 апреля 1905 г. Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», в связи с чем возможности использования административного ресурса в борьбе с инакомыслием были практически сведены на нет.

Документы свидетельствуют, что в делах, связанных с противодействием распространению раскола, сектантства и иноверия, консистория старалась строго придерживаться буквы закона. Более того, еще в 1893 г. в специальном постановлении по борьбе с сектантством консистория предписывала духовенству не возлагать особых надежд на полицейские меры, а стараться «даже сектантам и раскольникам внушать доверие и расположение к себе кротостью, беспристрастием, участием к житейским нуждам и крайнюю осторожностью...» [18, с. 72]. Это, однако, не мешало консистории обращаться к мерам административного принуждения, когда закон это позволял.

Что же касается епископа Гурия, то его резолюции на журналах консистории говорят о нем как об иерархе, нередко расширенно трактовавшем область применения административного ресурса. Владыка неоднократно предлагал обратиться к губернатору с просьбой воздействовать на сектантов или раскольников. Так, на журнале консистории по делу секты «телешей» (разновидность хлыстовства, а вернее беседничества) епископ Гурий пишет: «Надобно просить губернатора разместить сектантов по своим домам, а дом Хряпова запечатать, а так как такое есть и в других селах, может быть просить губернатора дать общее указание, чтобы местной власти таковые сожительства силой расторгать» [15, д. 2974, л. 8]. А «келейницам» села Добриня Бугульминского уезда, ведущим зазорную жизнь, владыка предлагал губернаторской властью запретить посещение святых мест и дать им «хорошую нагонку через губернатора» [Там же, д. 2972, л. 2]. Ограничение свободы перемещений было вообще стандартной мерой, которую епископ Гурий предлагал применять, например, к заезжим проповедникам баптизма и молоканства (в основном из Саратовской губернии).

Необходимо отметить, что епископ Гурий вообще был последовательным противником дарования инославным (не говоря уже об иноверных) свободы проповеди своих учений. В 1905 г., уже будучи Симбирским преосвященным, он написал в своем отзыве по поводу вероисповедных свобод и отмены ограничительных мер: «Отмена сих мер грозит большой опасностью для Церкви» [7, с. 633]. Особенно непримиримым было отношение епископа Гурия к старообрядцам.

О решительности епископа Гурия в борьбе с распространением раскола ярко свидетельствует следующий пример. В 1895 г. до архиерея дошли слухи, что трое молодых священников Николаевского уезда искали

протекции у «некой знаменитости названного града» с целью перехода в беглопоповство [16, д. 6523, л. 1]. Вероятно, речь шла о каком-либо из авторитетных николаевских купцов-раскольников. Гурий не стал разбираться и выяснять фамилии потенциальных перебежчиков. Вместо этого он дал распоряжение отобрать у всех священников возрастом до 40 лет включительно иерейские ставленные грамоты, без которых беглопоповцы не принимали приходящих от господствующей Церкви [Там же, л. 1 об.].

Благочинные в кратчайшие сроки выполнили данное распоряжение. При этом некоторые из них проявили особое усердие. Так, благочинный 5-го округа Михаил Ливанов рапортовал, что изъясил грамоты у священников до 45 лет включительно, а также у вдовых священников старше этого возраста [Там же, л. 5]. Все грамоты, согласно распоряжению Гурия, хранились у благочинного и при переводе священника пересылались от одного благочинного другому. Судя по обнаруженным документам, вернули грамоты священникам Николаевского уезда только по указу от 27 июня 1902 года [Там же, л. 8].

Особенно жестким было отношение епископа Гурия к движению, известному под названием «беседничества». К 1892 году, когда Гурий занял Самарскую кафедру, беседничество существовало в епархии уже несколько десятилетий и распространилось практически по всем уездам губернии [2, с. 113]. Данное движение имело в своем основании естественное для христианина стремление к чистой, праведной жизни и охватывало людей с повышенными религиозными запросами. Не имея в большинстве случаев возможности поступить в монастырь, беседники и в миру свою жизнь устроивали полумонашеским образом. Центром такой жизни становились молитвенные собрания – «беседки», а ее руководителями – возглавлявшие беседки «дяденьки» и «тетеньки». Постепенно беседки заменяли подлинную церковную жизнь, в чем отчасти виновата и сама церковная ситуация того времени при ее «формальном отношении церковных руководителей к пасомым и последних – к своим христианским обязанностям» [Там же, с. 136].

Прибыв на Самарскую кафедру и столкнувшись с феноменом беседничества, Гурий без колебаний встал на уже сложившуюся к тому времени точку зрения, что беседники являются разновидностью хлыстовства. И, как следствие, обрушил на них все доступные для него меры воздействия. Самым сложным в этой борьбе было выявить таких «хлыстов», так как беседники аккуратно посещали храм и мало чем отличались от остальных прихожан (разве что особым внешним благочестием жизни). Для этого Гурий прибег к мере простой, но почему-то не использованной его преемниками. Он составил «Клятвенное отречение от хлыстовской ереси и других подобных суеверий», где подробно в 8 пунктах изложил хлыстовские лжеучения и присоединил к этому отречение от них в первом лице [15, д. 3209, л. 7-8]. От приходских священников Гурий потребовал списки всех подозреваемых в хлыстовстве. Списки эти, кстати, выявили всю размытость терминологии; священники называли беседников то «хлыстами», то «монтанами», то «мормонами», то вообще «какой-то неизвестной сектой». В 1894 году епископ Гурий велел отлучить всех подозреваемых от причастия, а священникам предписал «объявить прихожанам, принадлежащим к хлыстовской ереси, к принятию Св. Таин они будут допускаемы не иначе, как по присоединении к православию с выдачей установленной подписки» [4, с. 640]. Присоединение заключалось в произнесении текста «Отречения» и подписании под ним.

Следующей мерой было лишение беседников церковного погребения. Сам епископ Гурий писал в одной из своих резолюций: «лишение православного погребения мнимых хлыстов есть одна из самых сильных мер против этой ереси. Хлыстов непременно следует погребать на раскольническом кладбище. По отношению к ним уступок со стороны церковной власти быть не должно...» [3, с. 354]. Но даже несмотря на опасность остаться без православного погребения, многие подозреваемые не желали произносить никаких отречений, «ссылаясь на незнание никакой ереси, от которой бы нужно отрицаться...» [15, д. 3209, л. 4].

Кроме указанных мер была развернута настоящая охота за «хлыстами» с целью заставить их непосредственно во время радений. Иногда такие неожиданные визиты в дома подозреваемых походили на полноценные полицейские операции. Как, например, в с. Черноречье в 1897 г., где полицейский урядник с двумя сотниками, десятником и несколькими крестьянами поздно вечером ворвался в избу крестьянина Федора Сироткина [Там же, д. 3061, л. 2-3]. Ничего предосудительного, правда, тогда обнаружено не было. Полицейскими вместе с местным духовенством проводились обыски и изымались книги и рукописные тетради с молитвами и духовными стихами. К тем руководителям беседничества, которые признавались наиболее опасными, применялись более жесткие меры. Так, в 1900 г. в Суздальский Евфимьев монастырь был заключен Ермолай Федосеев [9, д. 1862, л. 64]. А неизвестного «братца» Ивана Чурикова по ходатайству церковной власти в 1898 г. поместили в лечебницу для душевнобольных [2, с. 79].

Жесткие меры и однозначное уравнивание с хлыстовством способствовали все большему отдалению беседников от Церкви. Ошибки эти чуть позже признает и само самарское духовенство. Священник Евгений Кесарев, много лет бывший противосектантским епархиальным миссионером, напишет: «...неумелое воздействие церковной власти, которая не поставила верного диагноза болезни и, отождествив это явление с хлыстовством, стало энергично применять... противохлыстовские средства, – вместо желаемого исправления ненормальности поставило беседничество прямо во враждебное отношение и к иерархии, и к самой Церкви...» [Там же, с. 136].

В случаях, когда предложения правящего архиерея представлялись Самарской консистории выходящими за рамки законности, она выражала свое несогласие. В отношении беседников члены присутствия старались несколько смягчить меры, на которых настаивал епископ. Своим указом от 29 сентября 1901 г. консистория дозволила причащать беседников на смертном одре даже без произнесения ими «Отречения» [15, д. 3209, л. 4]. По делу упоминавшихся уже «телешей» консистория ответила епископу Гурию, что «не усматривает оснований в существующих законоположениях» для насильственного разгона их «общины» [Там же, д. 2974, л. 12].

А в 1900 г. вообще постановила, что проповедь хлыстовства не является достаточным основанием для возбуждения дела, «доколе не уличены будут в деяниях гнусного разврата» [Там же, д. 2967, л. 45]. Последняя мера должна была оградить от обвинения в хлыстовстве тех, кто не имел отношения к данной секте.

Иногда противостояние епископа и консистории приобретало черты детективной истории. В 1894 г. известный татарский меценат, купец 1-й гильдии Темирбулат Акчурин предоставил самарскому мусульманскому обществу участок земли под постройку мечети. Губернатор Брянчанинов запросил епископа Гурия, не встречается ли препятствий со стороны епархиального начальства для открытия мечети. Консистория доложила архиерею, что препятствий нет никаких. Несмотря на это епископ Гурий все же попытался воспрепятствовать постройке. В своей резолюции он поручил консистории выяснить точное число мусульман в Самаре, и если их мало – ходатайство по мечети отклонить [Там же, д. 2976, л. 3]. Мотивировал свое решение владыка тем, что в противном случае в Самаре поселится мулла, начнется рост числа мусульман и сойдут на нет усилия Церкви по обращению татар в православие. Кроме того, постройка мечети может быть воспринята как государственная поддержка пропаганды ислама среди язычников (чувашей и других инородцев). Резолюция была составлена в недвусмысленном тоне; отношение татар к православию было здесь охарактеризовано как фанатичное.

И вот эту резолюцию, документ, предназначенный исключительно для внутреннего использования, кто-то из консисторских служащих предал широкой огласке. Разразившийся шум вокруг данного вопроса заставил епископа Гурия в начале января 1895 г. доложить губернатору, что препятствий к устройству мечети в Самаре он не видит. Чуть ниже этой резолюции карандашом, рукой епископа Гурия сделано прибавление: «PS. Худо то, что кто-то сообщил татарскому адвокату дословно мою резолюцию, что вызвало фанатический взгляд на епархиальную власть... Кто это из канцеляристов умничают? Следовало бы проучить...» [Там же, л. 5]. Подобного рода «партизанские» действия чиновников консистории против правящего архиерея были, конечно, исключением из правил.

Проанализированные документы позволяют сделать вывод, что миссионерской деятельности и противодействию проповеди старообрядчества и сектантства самарское епархиальное начальство уделяло особое внимание. При этом главными методами борьбы оставались увещания и собеседования с сектантами и раскольниками. Кроме «профессиональных» миссионеров вести такие беседы обязаны были и все приходские священники, которым было предписано вести для этого специальные «дневники», которые ежегодно просматривали благочинные [6, с. 340].

В то же время обращение к административному принуждению оставалось вплоть до 1905 года традиционной мерой воздействия. Таким образом, может быть скорректирован тезис о том, что «меры административного принуждения в Самарской епархии применялись редко» [18, с. 100]. О том, как часто они применялись, свидетельствуют документы вероисповедного стола консистории. Да и сам епископ Гурий в отчете за 1900 год писал, что епархиальное начальство «в целях ослабления сектантской пропаганды принимало... целый ряд ограничительных и стеснительных для сектантов мероприятий, то возбуждая судебные дела против наиболее зловредных сектантских руководителей и пропагаторов, то стараясь оказать на них содействие всей силой сострадательной христианской любви» [9, д. 1862, л. 63]. И если свидетельств о мероприятиях первого типа у исследователя предостаточно, то вот христианской любви, судя по всему, нашей миссии не хватало.

Другое дело, что полицейские меры нечасто давали конкретные результаты, причина чего коренится как в позиции судебных органов, так и в меняющемся отношении общества к силовому вмешательству в дела веры. Нельзя также упускать из виду и позицию консистории, которая нередко сдерживала стремления правящего архиерея обратиться к помощи светской власти в борьбе с инакомыслием. Не последнюю роль здесь играл протоиерей Валерий Лаврский, руководивший долгое время работой вероисповедного стола. Друг Н. А. Добролюбова по семинарии, издатель трудов архимандрита Феодора (Бухарева), Лаврский был известен как либерал [10, с. 230]. Такой человек вряд ли мог симпатизировать полицейским методам миссионерства.

Так или иначе, после 17 апреля 1905 г. ситуация радикально изменилась, и в арсенале Церкви остались исключительно нравственные меры воздействия. Развитие миссионерского дела в новых условиях является темой для самостоятельного исследования.

Список литературы

1. **Гребнев М.** Движение населения в Самарской епархии за 1895 год // Самарские епархиальные ведомости. 1896. № 11. Неоф. часть. С. 449-459.
2. **Кесарев Е., свящ.** Беседничество как секта. Беседники Самарской епархии. Самара, 1905. 150 с.
3. **О лишении православного погребения сектантов, именуемых хлыстами** // Самарские епархиальные ведомости. 1895. № 20. Офиц. часть. С. 353-354.
4. **О мерах к предотвращению развития хлыстовщины** // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Самара, 1899. Т. I. С. 639-641.
5. **О сосредоточении миссионерского дела Епархии в Консистории** // Самарские епархиальные ведомости. 1894. № 19. Офиц. часть. С. 271-272.
6. **Об обязательном ведении бесед с раскольниками и сектантами и записывании этих бесед в «дневники»** // Самарские епархиальные ведомости. 1895. № 19. Офиц. часть. С. 339-343.
7. **Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе.** СПб., 1906. Ч. I. С. 601-654.
8. **Правила об устройстве миссии и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам** // Церковные ведомости. 1888. № 28. С. 175-187.
9. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 796. Оп. 442.
10. **Самарское общество: быт и нравы** // Путешествие в прошлое: Самарский край глазами современников. Самара, 1991.

11. Скутнев А. В. Институт благочинного в системе управления Русской Православной церкви в пореформенную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. II. С. 180-182.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд-е 6-е, пересмотр. и доп. СПб.: Изд-во Н. С. Таганцева, 1889. 796 с.
13. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876. 72 с.
14. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866. Ч. 2. 504 с.
15. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 1.
16. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6.
17. ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1.
18. Якунин В. Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011. 623 с.

**INTERACTION OF CHURCH AND STATE IN MATTERS OF MISSIONARY WORK AND PROTECTION
OF ORTHODOXY AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
(BY THE MATERIAL OF SAMARA EPARCHY)**

Kokarev Maksim Sergeevich

*SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Students
maxim.kokarev.1980@mail.ru*

The article is devoted to the problem of interaction between church and secular authorities in the sphere of missionary work and the protection of Orthodox faith in the last decade before confessional freedom giving. The paper attempts to analyze the effectiveness of eparchy authorities' address to administrative and police methods under the conditions of changing social-political situation in the country. In addition, the work reveals internal contradictions of eparchy authorities in relation to religious matters.

Key words and phrases: missionary work; spiritual consistory; confessional "table" (sort of affairs); ruling eparchy; Samara District Court; split; sectarianism; regional history of Church; Middle-Volga region.

УДК 791.43/45

Искусствоведение

Актуальным, спорным аспектом даже среди профессионалов является присутствие композитора в современном документальном фильме. Связано это с тем, что авторы фильмов, преследуя цель абсолютизации реальности, стараются оградить запечатленную на камеру действительность от какого-либо влияния извне. Этот факт представляет проблему современного художественно-документального кино, в частности, ставит вопрос присутствия в нем авторской музыки как важного драматургического элемента.

Ключевые слова и фразы: композитор; авторская музыка; документальный фильм; художественный образ; музыкальная драматургия; звуковое решение.

Конева Мария Николаевна

*Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения
79213341988@yandex.ru*

АВТОРСКАЯ МУЗЫКА В РОССИЙСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ[©]

Позиция большинства современных режиссеров-документалистов относительно присутствия авторской музыки в документальных произведениях зачастую сводится к ее упразднению. Таким образом, очевидным обстоятельством является невысокая художественная ценность современных произведений документального кинематографа, в которых все больше демонстрируются сухие, очевидные факты, а звуку отводится, в лучшем случае, иллюстративная роль. Музыка в контексте современного документального фильма все чаще используется как элемент, скрывающий монтажные огрехи, либо же как сопроводительный элемент звукового фона, которыми выступают заимствованные, из уже ранее созданных, музыкальные произведения. Создатели картин, как правило, отдают предпочтение таким музыкальным темам, которые органично вписываются в звуковое пространство фильма, более или менее удачно играя роль музыкальных «обоев». Такой факт использования музыкального материала авторы оправдывают возможностью предотвращения подмены реального образа вымышленным, иначе говоря, искусственно созданным. Истоки подобного заблуждения кроются в недостаточном количестве библиографических материалов, посвященных звуковой реализации художественного образа в документальном кинематографе, в т.ч. посредством музыкального решения фильма.

Эстетическому значению киномузыки посвящено много научных и теоретических работ, затрагивающих главным образом игровой кинематограф и, в лучшем случае, вскользь упоминающих значение авторской музыки в документальном киноискусстве. Связано это с сущностью документального фильма, напрямую